

A close-up portrait of a middle-aged man with short, light brown hair, wearing black-rimmed glasses and a textured brown jacket over a white t-shirt. He has a serious expression and is looking directly at the camera. The background is dark and out of focus.

**АЛЕКСАНДР
ЗВЯГИНЦЕВ**

И ВОЗДАСТСЯ ВАМ...

Живите по совести, ведь прошлое часто стреляет в будущее!

Александр Звягинцев

И воздастся вам...

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 82-31
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Звягинцев А. Г.

И воздастся вам... / А. Г. Звягинцев — «РИПОЛ Классик», 2019

ISBN 978-5-386-13496-9

«И воздастся вам...» – вторая часть романа «На веки вечные» – продолжает рассказ о причудливой судьбе людей, вовлеченных в круговорот истории на одной из знаковых точек XX столетия. Нюрнбергский процесс набирает ход. Под спудом правовых формулировок и адвокатских баталий выкристаллизовывается формула будущего мира. Но здесь и сейчас живут люди – вдыхают первые глотки мира (не войны) – любят, желают, создают и мечтают. Александр Звягинцев – автор нескольких документальных исследований о Нюрнбергском трибунале – предлагает художественную версию событий переломной эпохи.

УДК 82-31
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-386-13496-9

© Звягинцев А. Г., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Часть 1	6
Глава I. Сделай это!	6
Глава II. Встречные обвинения	10
Глава III. Секретные договоренности	13
Глава IV. Ты с нами?	16
Глава V. Должностное преступление	20
Глава VI. Речь идет о вашей чести	23
Глава VII. Женщина мечты для тех, кого ждала смерть	25
Глава VIII. Она принесет себя в жертву	30
Глава IX. Это был американец	32
Глава X. Истинные германцы	36
Глава XI. Я жил в другом мире	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Григорьевич Звягинцев

И воздастся вам...

*Им не уйти от кары Немезиды, фашистским слугам дьявольских
затей.*

А. Г. Звягинцев

© Звягинцев А. Г., 2019

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Часть 1

Тайные договоренности

Глава I. Сделай это!

Колоссальный маховик небывалого в истории международного судебного процесса набирал ход, раскручивался все стремительнее.

Он работал со скрипом, ибо был чрезвычайно громоздок и наскоро сконструирован, к тому же, у него имелась масса противников, утверждавших, что юридически чистый и непредвзятый процесс в такой ситуации невозможен. И все-таки остановить его было уже практически невозможно – весь мир требовал суда. И даже обозначившиеся серьезные противоречия в подходах к функционированию трибунала двух главных действующих лиц – русских и американцев – не могли похоронить начатое дело.

Советские следователи, наконец добившиеся согласия американцев на самостоятельные допросы обвиняемых – до этого их допрашивали только американские следователи, в таком же положении были и другие делегации, – занялись «живой» работой. Главный обвинитель от СССР Руденко лично утвердил опросные листы, по которым следовало непременно допрашивать обвиняемых.

Кроме того, именно сейчас было очень важно понять, как будут вести себя непосредственно во время процесса фашистские бонзы, чего от них ждать, будут ли они действовать согласованно или каждый будет бороться только за себя и валить вину на других. Именно этим занимался Ребров, участвовавший по приказу генерала Филина практически во всех допросах в роли следователя-ассистента.

Тревожное напряжение в следственной группе да и во всем аппарате Главного обвинителя от СССР после совещания в Москве, где благодаря генералу Филину донос полковника Косачева остался без последствий, спало. Обстановка была вполне рабочей. Однако многоумный Филин предупредил Реброва, что Косачев своего поражения не простит, и наверняка объектом его ненависти станут именно они – Филин и Ребров...

«Теперь он займется нами, так что не подставляйся, – предупредил Филин. – Намек понял?» Понять было нетрудно – речь шла об Ирине.

После того, что произошло у княгини Трубецкой, Денис и Ирина виделись мало, урывками. И не только потому, что было трудно встречаться без посторонних глаз, что оба оказались загружены навалившимися со всех сторон делами, а и потому, что оба понимали: случившееся у княгини Трубецкой было рубежом, который то ли прекращал их отношения, то ли делал уже совершенно иными. Нужно было каждому что-то решать для себя, причем необыкновенно важное, от чего зависела вся дальнейшая жизнь. И от этой нерешенности любая встреча, даже взгляд казались или последними, прощальными, или обещанием будущего, пусть не ведомого, но от которого нельзя отказаться.

Именно обо всей этой неопределенности, которая неизвестно чем разрешится, неотрывно думал Ребров в кабинете для допросов, где они с Александровым ждали, когда придет Иоахима фон Риббентропа, бывшего министра иностранных дел Третьего рейха. Рядом с Александровым сидела новая переводчица, на днях прибывшая из Москвы, – очень красивая, ухоженная, модно одетая женщина лет тридцати.

Когда ввели Риббентропа, поразил его внешний вид – на нем, еще недавно щеголявшем в ловко сидящих смокингах и фраках или затянутым в форму эсэсовского генерала, была непо-

нятного цвета жеваная рубашка с обтрепанным воротом, поверх которой болтался бесформенный коричневый пиджак. На ногах грубые башмаки без шнурков, которые им не разрешала иметь американская охрана. Худое лицо Риббентропа с запавшими щеками заросло пегой щетиной. Усевшись на стул посреди комнаты, этот человек, не так давно диктовавший волю Германии и Гитлера целым государствам, весь угодливо подался вперед, изображая абсолютную готовность отвечать на все вопросы.

В кабинете, как это было заведено у американцев, были посторонние люди, которые вели себя так, словно попали на театральное представление. Вслед за Риббентропом неожиданно появился не кто иной, как Крафт. Он устроился на стуле в углу и весело подмигнул Реброву: мол, давно не виделись...

– О, я всегда был верным другом Советского Союза, – преданно глядя в глаза Александру, заговорил Риббентроп. – Чтобы добиться заключения пакта о ненападении с Россией мне пришлось преодолеть большое предубеждение, существовавшее в руководящих кругах Германии. Очень большое! – Риббентроп для убедительности поднял указательный палец.

Александр кивнул головой и протянул руку к лежавшей на столе пачке сигарет. Достав сигарету, он рассеянно хлопнул ладонью по столу в поисках коробка спичек, лежавшего чуть в стороне. Риббентроп вдруг быстро наклонился вперед и протянул руку. Схватив коробок, он торопливо зажег спичку и поднес к сигарете Александра. Тот удивленно посмотрел на него, прикурил и даже кивнул в знак благодарности. Риббентроп радостно улыбнулся.

– Кстати, господин Александров, а не встречались ли мы с вами в Москве? – уже как бы по-свойски спросил он. – Я хорошо помню, что среди русских дипломатов был человек с такой фамилией.

– Нет, – сухо ответил Александров. – Я никогда не работал в МИДе.

– О, как жаль! – расстроился Риббентроп. – У меня остались от визита в Москву самые приятные воспоминания. Вся история могла пойти совсем по-другому, если бы...

Александров хлопнул ладонью по столу.

– Господин Риббентроп, у нас не вечер приятных воспоминаний, а допрос. Какое отношение вы лично и ваше министерство имели к подготовке нападения на Советский Союз?

Риббентроп прикрыл глаза ладонью, слегка наклонился вперед, словно мучительно что-то вспоминая. «Такое происходит всякий раз, когда ему нужно продумать свой ответ, потянуть время, – отметил для себя Ребров. – Но не только поэтому. Риббентроп сломлен морально, истерзан страхами, память действительно зачастую отказывает ему, хотя он готов бесконечно вспоминать какие-то ничего не значащие детали. И вообще, он слабый, зависимый от чужой воли человек».

– Я ничего не знал о планах войны с Россией, – наконец выдавил Риббентроп из себя. – Ровным счетом ничего. Гитлер все решал сам или с узким кругом приближенных, в который я не входил.

– Но ведь шла дипломатическая подготовка войны, обеспечивалось участие в войне союзников Германии...

– Я не принимал в этом участия.

– Как же так? Вы, министр иностранных дел, не принимали участия? – откровенно засмеялся Александров.

Риббентроп по-женски всплеснул руками.

– Уверяю вас, вы не найдете никаких официальных соглашений на сей счет за моей подписью! Никаких! Поддержка обеспечивалась путем устной договоренности между Гитлером и руководством стран-союзников.

– Но в плане «Барбаросса» прямо говорится, что командование германских вооруженных сил совместно с Министерством иностранных дел, которое вы возглавляли, обеспечивает участие в войне союзников...

– Мне не был известен план «Барбаросса»! – глядя прямо в глаза Александрову, произнес Риббентроп. – Он был вне моей компетенции.

Александров только удрученно покачал головой.

– Когда вы узнали, что принято решение напасть на Советский Союз?

Риббентроп опять прикрыл глаза рукой.

– Об этом мне стало известно только 22 июня 1941 года. Буквально за несколько часов до того, как германские войска по приказу Гитлера вступили на вашу территорию... Да-да, я понимаю, это может показаться вам странным, но при том режиме, что существовал в Германии, положение дел было таково, что министр иностранных дел многое – очень многое – не знал! А о многом узнавал последним.

– Слишком о многом! – усмехнулся Александров. – Прямо-таки обо всем.

– Вы правы, – не моргнув глазом, согласился Риббентроп. – Таков был режим.

– Но еще до нападения вы, как министр, созвали совещание различных ведомств рейха и дали пропагандистские установки: войну с СССР для международного общественного мнения нужно освещать сугубо как превентивную, всячески обвиняя в ней Советский Союз.

Риббентроп вдруг громко шмыгнул носом.

– Я не помню такого совещания.

– Но тому есть документальные подтверждения...

– Возможно, есть документы, в которых что-то такое записано, но это вовсе не означает, что так было в действительности. Я был против войны с Советским Союзом, и потому от меня скрывали подготовку к этой войне.

– Скажите, вы знаете человека по фамилии Багратион-Мухранский?

– А кто это?

– В 1942 году съезд представителей грузинских эмигрантских организаций в Риме признал князя Ираклия Багратиона-Мухранского законным претендентом на престол независимой Грузии. Прошу вас обратить внимание на дату и место — 1942 год, Рим, столица государства, где правит ближайший союзник и единомышленник Германии Муссолини... Германские войска рвутся к Сталинграду и Кавказу, самое время строить планы расчленения Советского Союза и, в частности, посадить на грузинский престол своего царька.

– Не помню такого. Я вообще этими вопросами не занимался.

– Но существовал специальный штаб по отделению Кавказа от СССР после победы. Что, МИД Германии ничего о нем не знал?

– Этими вопросами занимался Розенберг!

– Но Розенберг утверждает, что вы активно помогали ему. Что, согласитесь, логично, учитывая вашу должность.

Риббентроп с мольбой и укором посмотрел на Александрова.

– Зачем вы меня мучаете? Вы не представляете, в каком я был положении... Не представляете! Это было так мучительно...

Ребров, обменявшись взглядами с Александровым, неожиданно спросил:

– Скажите, а если бы сейчас, после всего, что произошло, здесь появился Гитлер и сказал: «Сделай это!»

Риббентроп с изумлением посмотрел на Реброва.

– Господи, как вы догадались? Ведь я часто думаю об этом...

– Так как бы себя повели?

– О, я бы повиновался ему... Да, и после всего, что произошло! В нем была невероятная, поистине дьявольская сила. Вне всякого сомнения, он был наущаема самим дьяволом... Мы, обычные люди, легко поддаемся внушению. Поклоняемся силе, как идолу. Вот таким идолом был для немцев Гитлер...

– Хотите сказать, что Гитлер изнасиловал немецкий народ?

– О нет, он не изнасиловал наш народ, он его совратил и развратил. Как мужчина совращает и развращает женщину. Вы не представляете себе, что тогда на нас, немцев, нашло...

– На вас лично?

– И на меня, и на всех немцев... Это было безумие, сумасшествие! Вы не испытали этих горячечных денечков! Когда всех нас несла некая сила!.. Сначала Гитлер увлек нас, потом взбаламутил весь мир, а потом просто исчез и оставил нас тут отвечать за все, что было... Нас, обычных людей, «бацилл планеты»...

– Как вы говорите? – не сразу разобрал Александров, недоверчиво взглянув на красивую переводчицу. – «Бацилл планеты»?

– Да, именно так Гитлер именовал человечество... Именно так. Мы были всего лишь его тенью. А нас собираются судить... – голос Риббентропа стал еле слышен. – За что? Зачем нужен этот суд? Неужели нельзя отыскать более мирное решение, но победители собираются громоздить ненависть на ненависть. Эти горы ненависти погубят всех, накроют весь мир... Я готов принять любой приговор, но только без этого ужасного суда...

Риббентроп выглядел уже совершенно жалко, глаза его были полны слез.

Крафт, сидевший в самом углу, поднялся и направился к выходу. В двери он оглянулся и сделал Реброву знак, означавший, что есть разговор.

Когда плачущего, едва передвигающего ноги Риббентропа увели, Александров, Ребров и переводчица на какое-то время остались одни в пустом кабинете.

– Я свободна? – спросила переводчица, собирая свои бумаги.

Александров кивнул.

Когда за ней закрылась дверь, Александров задумчиво сказал:

– Новенькая. Только приехала. Фамилия Белецкая... Немецкий знает, как родной, но... – он наставительно поднял палец. – Есть муж. И не просто муж, а генерал.

– Ну и что? – удивился Ребров, который был еще под впечатлением допроса и поведения Риббентропа.

– Да ничего, – Александров улыбнулся каким-то своим мыслям. – Просто женщина очень красивая, майор. На нее тут сразу заглядываться стали... Есть на что...

Ребров пожал плечами и нетерпеливо спросил:

– Георгий Николаевич, вы думаете, на процессе он будет вести себя так же?..

– Кто?

– Риббентроп.

– А-а, этот... Да черт его знает! В том-то и заковыка, майор. И нам с вами надо в этом разобраться.

Постскриптум

«В первые часы утра 22 июня 1941 года я ждал вместе с Риббентропом в его кабинете на Вильгельмштрассе прихода советского посла Деканозова... Я никогда не видел Риббентропа в таком возбужденном состоянии, как в те пять минут перед приходом Деканозова. Он метался по комнате, как зверь в клетке. „Фюрер абсолютно прав, что нападает сейчас на Россию, – говорил он, скорее, самому себе, чем мне... – Русские, несомненно, нападут сами, если этого сейчас не сделаем мы...“»

Из воспоминаний личного переводчика Гитлера Пауля Шмидта

Глава II. Встречные обвинения

Крафта, естественно, Ребров нашел в пресс-баре. Перед ним стояло несколько бутылок пива, он курил, непрерывно с кем-то раскланивался и был, как всегда, чрезвычайно доволен жизнью.

– Не знал, что вы посещаете допросы, – сказал Ребров. – Зачем вам это?

– Ну во-первых, просто интересно посмотреть вблизи на чудовищ, которые едва не захватили власть над миром, – засмеялся Крафт. – А во-вторых, бизнес. Я ищу материалы для своего издательства, причем такие, на которых можно заработать. А господин Риббентроп, как мне рассказали, непрерывно что-то пишет. Почему бы не приобрести, если это интересно?

– Ну, не знаю, кому это может быть интересно. Министр, холуйски подносящий спичку... Лакей! К тому же, не скрывающий своего лакейства. Да еще непрерывно лгущий и очумевший от страха...

Крафт улыбнулся горячности Реброва.

– Вы еще не сказали, что до того как стать министром он весьма пошло торговал шампанским.

– Вот именно! Торгаши несчастный!

– Видите ли, не все так просто. Ведь Гитлер был в свое время никому не нужным бездомным психопатом. Безработным... И что из того? Кстати, Риббентроп, когда началась Первая мировая война, спокойно жил в Канаде и имел свой бизнес. Но он по своей воле отправился в Германию, чтобы воевать, скрыл, что у него удалена одна почка. Он был награжден Железным крестом, дослужился до оберлейтенанта... Так что он не такой слизняк, как это могло показаться вам сегодня. Во всяком случае, не всегда был таким... Кстати, по моей информации, остальные подсудимые его не любят и даже презирают.

– Почему?

– Ну, видите ли, он среди них чужак... Он ведь и в нацистскую партию вступил достаточно поздно, только в 1932 году, незадолго до прихода нацистов к власти. Для старых членов партии он был буржуй, примазавшийся к ним. Они-то еще в начале 1920-х годов в мюнхенских пивных дрались с коммунистами, били друг друга скамейками и пивными кружками по головам, а тут появляется торговец, который еще и добавил к своей фамилии дворянскую приставку фон... Но он очень понравился Гитлеру, который как-то оказался в его доме. Это был такой уютный буржуазный дом, где за Гитлером очень трогательно, почти, как говорят, с материнской нежностью ухаживала фрау Риббентроп. Именно она учила фюрера правильно пользоваться ножом и вилок... А сам Риббентроп много рассказывал Гитлеру о жизни в Канаде и Америке, где тот никогда не был.

– Но нацистом-то он стал!

– Не думаю, что настоящим, так сказать, подлинным. То есть в чем-то симпатизировал их взглядам, но антисемитом Риббентроп никогда не был. Среди его деловых партнеров, знакомых и друзей было очень много евреев. Вряд ли он поддерживал расовую теорию нацистов, потому как вообще не был фанатиком. Это не Геббельс, не Розенберг, не Гиммлер... Но вот Гитлер его просто заворожил и подчинил себе. А с другой стороны, он его страшно боялся. Гитлер однажды наорал на него, и ужас остался в нем на всю жизнь. Поэтому он беспрекословно выполнял то, что от него требовал фюрер. Он мог быть с ним не согласен, но перечить ему он был просто не в состоянии. Понимаете, физически не мог. Как и многие другие.

– Знаете, я иногда думаю: а может, Гитлеру действительно это самое Копье Судьбы помогло? Иначе как объяснить, что эти ничтожества, которые сейчас твердят, что ничего не знали, ни к чему не причастны, во главе с ним стали для немцев сверхчеловеками? Как в это можно было поверить, глядя на них? Действительно, мистика...

– Ну, вы с мистикой полегче! Знаете, наши американские психологи сейчас очень увлекаются тестированием – проверяют уровень интеллекта с помощью всяких вопросов. Протестировали они и этих ничтожеств, как вам кажется. Так вот у всех этих жалких, как вы выразились, людишек достаточно высокий интеллект...

– Верится с трудом.

– И тем не менее. 120 пунктов, набранные при тестировании, считаются средним интеллектуальным уровнем. Так вот ниже он оказался только у трех подсудимых.

– Не помните, у кого?

– Ну почему же... У Штрейхера, Заукеля и Кальтенбруннера... У остальных – выше. У Геринга, Шахта, Зейс-Инкварта и Дёница – исключительно высокие баллы. Исключительно!

– А у Риббентропа?

– Весьма высокий. Так что не надо думать, что это ослы и психопаты. Эти люди сумели воспользоваться исторической ситуацией, как говорится, оседлать волну... Но сейчас каждый из них сбит с толка, озабочен лишь своей судьбой. И думает только о том, как бы выжить. Любой ценой. Ради этого готовы на все. Но не знают, как именно это сделать и можно ли сделать вообще... К тому же, психика человека после такого сокрушительного падения с высот власти в бездну не выдерживает. Да и тюрьма непривычных к ней людей ломает. Впрочем, черт с ними! Что с нашей милой красавицей Ириной? Вы не знаете?

– Нет, – с трудом выговорил Ребров. – А что?

– Она выглядит усталой и задумчивой. Ну, вам, русским, это свойственно... Но мне показалось, что она было задумчива как-то особенно.

Ребров пожал плечами, встал. Он старался не смотреть в глаза Крафту.

– Мне пора. Много дел...

– Да-да, я понимаю – чем ближе начало процесса, тем больше забот.

Крафт смотрел на него понимающе и даже с сочувствием, но это понимание Реброву было невыносимо. Не говоря уже про сочувствие.

Генерал Филин слушал отчет Реброва о допросе Риббентропа. Слушал внимательно, но ни на секунду не переставая думать о своем.

Ребров, которого не переубедил разговор с Крафтом, не жалел красок, расписывая ничтожество Риббентропа, не стесняющегося своего ужаса перед судом, заискивающего перед следователями и охраной, всем своим видом показывающего, как он подавлен страданиями, выпавшими на долю человечества из-за преступных, как он сейчас понимает, действий нацизма, но тут же принимающего позу безвинно оклеветанного человека, когда речь заходит о его собственной вине...

А Филин, слушая разгоряченного Реброва, думал о том, что именно от раздавленного и поверженного в прах Риббентропа, которого теперь открыто презирают даже его подельники, во многом зависит, может быть, судьба всего процесса. Москва категорически требовала, чтобы договор о ненападении между Германией и СССР если и упоминался на процессе, то только в нашей редакции. Например, так, как говорилось в телеграмме Молотова: «22 июня 1941 года гитлеровские заговорщики, вероломно нарушив договор о ненападении, без объявления войны, напали на советскую территорию, начав, тем самым, агрессивную войну против СССР». И больше ни слова. Ни в коем случае. Стоять на этом любой ценой. Упоминание «секретных протоколов» к договору, вокруг которых может быть поднято множество спекуляций, не допускать. Как и политическое толкование событий, относящихся к заключению договора, которое предлагают англичане.

С политическим толкованием все было ясно. Его можно было развернуть в какую угодно сторону. Это тогда, еще до начала войны, все искали способа избежать столкновения с почувствовавшей свою силу Германией. Но сделать это за чужой счет. Все попытки СССР заключить

союз с Западом против Гитлера кончились ничем. Запад крутил, тянул время, рассчитывая в конечном счете оставить Советский Союз один на один с Германией. Кстати, даже Черчилль назвал такую политику «величайшей глупостью» и признал: «Кремль потерял веру в обеспечение безопасности совместно с западными державами. Россия обязана позаботиться о себе». Но с тех пор прошло много времени, Гитлер разбит, и теперь много желающих доказывать, что и они пахали... А вот в действиях русских можно найти при желании много чего, что не укладывается в ваши «цивилизованные» представления о добре и зле. Где вы были со своими представлениями, когда мы захлебывались кровью под Москвой и Сталинградом!..

– Товарищ генерал, вы меня слышите?

Ребров удивленно смотрел на Филина.

– Извини, задумался. Ладно, с Риббентропом, с одной стороны, все ясно...

– А с другой стороны?

– А с другой, непонятно, все-таки непонятно, как он себя поведет во время процесса? Чего от него ждать? Передай Гектору, что нас интересует именно этот момент.

– А мне с ним все понятно – будет лебезить и выворачиваться. Врать. Делать вид, что ничего не помнит. Вот и все. Больше от него ждать нечего.

– Хорошо если так. А вдруг он способен выступить со встречными обвинениями? Или его к этому подтолкнут...

– А какие у него могут быть встречные обвинения? – не понял Ребров.

– Ладно, об этом в другой раз, – вздохнул Филин. – Мне надо срочно заглянуть к Покровскому, а ты готовь шифровку для Гектора.

Постскриптум

«Информация, которую посредством секретных операций смогли добыть советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла такого рода материал, который являлся предметом мечтаний для разведки любой страны».

Аллен Даллес, директор ЦРУ США

Глава III. Секретные договоренности

Рабочий стол заместителя Главного обвинителя от СССР полковника юстиции Юрия Владимировича Покровского был завален бумагами так, что в них, казалось, уже не было возможности разобраться. Худощавый, седой, в круглых очках, с усами квадратиком, какие носили тогда многие советские руководящие работники, Покровский, явно нервничая, перечитывал бланки телеграмм, которыми его в отсутствие Руденко засыпала Москва.

Когда в кабинет один за другим вошли, весело переговариваясь Александров, Филин и помощник Главного обвинителя от СССР генерал-майор Николай Дмитриевич Зоря, красивый, темноволосый, сорокалетний мужчина, Покровский встал. Во время войны он был военным прокурором армии, затем помощником военного прокурора фронта, а перед назначением в Нюрнберг работал начальником юридического отдела советской части Союзной контрольной комиссии в Австрии, но оставался всего лишь полковником. Все же вошедшие были генералами, и потому он чувствовал некоторую неловкость. Филин эту неловкость почувствовал и поспешил перейти к делу.

– Как прошло совещание Комитета обвинителей?

– Разругались, – удрученно развел руками Покровский. – Когда я сказал, что мы просим отложить процесс на небольшой срок из-за болезни Руденко, Джексон чуть из штанов не выпрыгнул от возмущения. А потом заявил, что Соединенные Штаты начнут процесс в намеченное время, даже если им придется сделать это в одиночку.

– А англичане? – поинтересовался Зоря.

– Ну те как всегда, поближе к американцам – мол, пусть Советский Союз официально объявит о том, что берет на себя всю ответственность за дальнейшие задержки. Французы зато на нашей стороне. Даже пригрозили, что возьмут самоотвод, если процесс начнется без советского обвинителя. В общем, шум поднялся большой.

– Ну и на чем остановились? – озабоченно спросил Александров.

– Договорились еще раз встретиться вечером.

– В Москву уже доложили? – спросил Филин.

– Доложил... Вот последняя телеграмма: «Если на заседании обвинителей будет складываться мнение большинства обвинителей против нашего предложения об отложении процесса, то вы должны заявить, что вами не получено полномочий участвовать на процессе в случае, если процесс начнется без Главного обвинителя от СССР. И что вы вынуждены будете довести до сведения Советского правительства об отклонении предложения советского обвинителя и о создавшемся в силу этого положении...» Вот такие указания. Что теперь делать?

– Да уж, задачка на вычитание, – насмешливо покачал головой Филин.

– Тут еще разъяснение: «Наше предложение содержит в себе угрозу отказа от участия в начинающемся процессе, но еще не является отказом. Таким образом, наше предложение является способом давления на других обвинителей для достижения нашей цели»...

Наступившая пауза длилась довольно долго.

– Да, попал ты, Юрий Владимирович, – поднял брови Александров. – Тут не задачка, тут логарифм какой-то!

Покровский обвел всех взглядом, явно прося поддержки.

– Тут ведь дело-то еще в чем... Джексона можно понять. Порядок выступлений предусмотрен следующий. Первая речь – Джексона. Называется «Общий план, или заговор» и будет построена на документах, на анализе доказательств и потому займет два-три дня. После речи Джексона его помощники будут зачитывать суду все документы, на которые Джексон будет ссылаться в речи. Это еще несколько дней. Вторая речь – английского обвинителя. Она займет минимум одно полное заседание. Затем будут зачитываться документы. Третья речь – фран-

цуза. А там Рождество и Новый год. Руденко будет выступать последним, в завершение. Англичане и говорят: зачем откладывать, если Руденко должен будет выступить через месяц в лучшем случае?

– Оно, конечно, – развел руками Александров, – только попробуй Москве это объясни. И ее тоже можно понять – как же процесс начнется без нас? За что мы кровь проливали?

– Я думаю, Москву больше интересуют нежелательные вопросы, – задумчиво сказал Филин. – И давление на комитет связано именно с ними. Москва хочет исключить возможность провокаций на сей счет.

– Ну, тут многое сделано, еще когда товарищ Руденко был на месте, – с облегчением доложил Покровский. – Окончательно принято общее решение Комитета обвинителей. Обвинители намерены энергично избегать скользких вопросов и не давать возможности подсудимым заниматься дискуссиями или вовлекать суд в дискуссии. В этой связи признали желательным обменяться списком вопросов, которые не должны обсуждаться на суде, с тем, чтобы иметь возможность во время процесса их отводить немедленно.

– Москва об этом уже знает?

– Я сегодня сообщил ей об этом.

В кабинет, постучав, вошел офицер с бланком очередной телеграммы, протянул ее Покровскому. Тот, прочитав, обвел глазами присутствующих.

– Москва не возражает против начала работы трибунала в отсутствие Руденко. Сам он прибудет в Нюрнберг при первой возможности.

– Москва, Москва... – ни к кому не обращаясь, заключил Филин. Его коронную присказку каждый мог понимать по своему разумению.

Оставив Покровского и Зорю решать какие-то свои дела, они вышли с Александровым из кабинета. В коридоре Филин спросил:

– Ты тоже, как и Ребров, считаешь, что Риббентроп ни на какие сюрпризы не способен? Александров спешить с ответом не стал.

– По тому, как он выглядит сейчас, нет. А что может случиться? Кто его знает... Если на него надавят и надавят хорошо... Вопрос – кто?

– Ну, варианта два. Или американцы, или – свои. Из своих это может сделать только Геринг, который сейчас разыгрывает из себя лидера подсудимых, эдакого тюремного фюрера. И ставку он делает на то, чтобы рассорить нас с союзниками. Риббентроп, по своей привычке подчиняться, его слушает, но не до такой степени, чтобы бросаться на амбразуру.

– Пожалуй, – согласился Александров. – Во всяком случае, пока...

– Второй вариант – американцы. Мы не знаем, какую работу они ведут в тюрьме. Вернее, знаем, что ведут, но не знаем, какую именно. Они записывают все разговоры заключенных между собой, когда те думают, что их не слышат. И потом, эти так называемые тюремные психиатры и психоаналитики... На самом деле, они, скорее всего, штатные разведчики, обученные вести доверительные беседы, колоть собеседников, оценивать их моральное состояние, находить их слабые места. Для заключенных они – свет в окошке. Отчеты о беседах в камерах сразу поступают к американским обвинителям и в спецслужбы...

Ну и, понятное дело, можно не только слушать, но и давать советы, направлять. И посоветовать, например, поставить вопрос о секретных договоренностях.

Постскриптум

Молодой американский врач и психиатр Леон Голденсон наблюдал за психическим состоянием заключенных и главных свидетелей. Все они, по его утверждению, еще вчера паладины дьявола, теперь, напуганные, старались произвести на любого американца хорошее впечатление, добиться маленьких преимуществ и тем самым, возможно, спасти свою жизнь.

Как правило, они не скупилась давать информацию, особенно если она отягощала вину других. Себя же самих они представляли совсем не значимыми и невинными.

Голденсон, хороший слушатель и наблюдатель, понимавший даже язык жестов, беседовал с ними на немецком языке. Это были беседы с персонажами «из ледяной вселенной», напишет он позже...

Глава IV. Ты с нами?

В этой полуподвальной пивной в сохранившейся части Нюрнберга, судя по всему, собирались все спекулянты, шлюхи и прочие темные личности города. Дым тут, несмотря на мерзкое пиво, стоял коромыслом. Олаф сунул хозяину несколько долларов, тот услужливо тут же приволок для него из подсобки отдельный столик, три стула и установил в углу. Обмахнув столик полотенцем, он почтительно осведомился, чего подать.

– Настоящее пиво у тебя есть? – поинтересовался Олаф, усевшись спиной к стене так, чтобы видеть весь галдящий зал и входную дверь.

– Есть для особо почетных гостей, но... – многозначительно протянул хозяин.

– Деньги пусть тебя не волнуют, – бросил Олаф, выкладывая перед собой пачку настоящих американских сигарет.

Парочка размалеванных девиц с жадными глазами сразу стала подбираться поближе к его столу.

– И скажи своим шлюхам, чтобы они меня не беспокоили, – твердо сказал Олаф, глядя в глаза хозяина пивнушки немигающим взглядом.

Тот понимающе кивнул головой и сразу же отмахнулся от девиц, как от мух, полотенцем. Девушки, тяжело вздохнув, с разочарованным видом стали выглядывать других клиентов.

Олаф смотрел на всю эту мерзкую публику и думал, что при Гитлере, тут надо отдать ему должное, этих людей словно и не было. Они то ли не существовали, то ли не высывались. Суровая имперская плита висела над их головами и грозила раздавить в любой момент без всякой жалости каждого. Теперь эту плиту разнесли орудия и бомбы союзников, и немцы превратились в стадо распушенных и жадных млекопитающих. А может, и в голодных, перепуганных овец. Кому что по силам и по душе.

Хозяин поставил перед ним кружку пива, но уходить не спешил – ждал, когда Олаф оценит его качество. Олаф отхлебнул глоток – пиво было настоящее, немецкое.

– Порядок, – кивнул Олаф. – То, что надо... Когда ко мне придут, принесешь еще такого же.

Хозяин по-военному кивнул и удалился. «Этот порядок помнит», подумал Олаф.

В последнее время, благодаря барону, он научился смотреть на происходившее вокруг гораздо спокойнее. Поражение Германии подняло наверх грязную и мутную пену, считал барон, но скоро все уляжется, немцы вспомнят свои извечные национальные добродетели и примутся за работу. Ситуация полной катастрофы и национального унижения, как после Первой мировой войны, когда Германию топтали, поставив на колени, не повторится. Американцы вовсе не стремились превратить Германию в «картофельное поле», потому пришли к выводу, что ее полный крах послужит на пользу только России. Более того – мощь Германии очень скоро может понадобиться Западу для уравнивания неимоверной советской мощи. Так что Германия не будет уничтожена, ей дадут подняться, а дальше будет видно. Сегодня никто не может сказать, каким будет новый послевоенный мир, ясно только, что это будет противостояние Запада и Советов. Оно уже идет и с каждым днем набирает силу. И только предстоящий процесс над нацистской верхушкой пока объединяет их...

– Вы Олаф Тодт?

У его столика стояла молодая темноволосая девушка в наглухо застегнутом плаще с решительно сжатыми губами. Ее можно было бы назвать хорошенькой, если бы не чрезмерно суровое, даже ожесточенное выражение болезненно бледного лица.

– Допустим.

– Я – от Гюнтера.

– А где он сам?

– Скоро будет.

– Отправил вас на разведку, – усмехнулся Олаф. – А сам сидит в засаде...

Девушка его шутки не оценила, она смотрела на него холодными глазами, изредка бросая настороженные взгляды по сторонам.

– Садитесь, – кивнул на стул Олаф. – А то вас примут за проститутку, набивающую цену. Девушка села.

– А я что, похожа на проститутку? – без особого интереса спросила она.

– Не очень. Хотя сегодня слишком много немок, которые ведут себя именно так...

– Я не из них.

– Это я понял. Как вас зовут?

– Гизела.

Около их стола возник хозяин с двумя полными кружками в руке.

– То самое, – многозначительно сказал он, поставил кружки на столик и почтительно удалился.

– Попробуйте пиво, – предложил Олаф. – Не пожалеете.

Девушка ничего не ответила, но пива отведала. Она была чертовски неразговорчива. И, к тому же, сильно занята какими-то своими мыслями. Как это и положено фанатику. Интересно, какие у них отношения с Гюнтером и что их связывает?

За соседним столиком какой-то пожилой господин грохнул пустой кружкой по столу и громко воскликнул:

– Разве это пиво? Это же вода!.. До чего довели Германию эти нацистские мерзавцы! Когда же наконец русские и американцы вздернут их? Пусть поболтаются на виселицах!

Гизела бросила на мужчину быстрый взгляд. И взгляд этот был полон презрения и ненависти, отметил Олаф. Видимо, девушка прошла школу «Гитлерюгенда» и поработала там с ней на совесть...

– Привет, Олаф! Рад тебя видеть, дружище.

Перед ним стоял Гюнтер Тилковски. Он был в пальто с поднятым воротником и шляпе, надвинутой на глаза.

– О господи, ты похож на американского шпиона! – засмеялся Олаф.

– Я бы им стал, да не знаю, возьмут ли меня, – хмыкнул Гюнтер, усаживаясь напротив него.

Он взял полную кружку и отхлебнул большой глоток.

– Ого, вот это пиво! Обычно здесь подают полное дерьмо. Такое же дерьмо, как вся Германия теперь!.. Впрочем, у вас там во Дворце юстиции, наверное, пиво всегда настоящее?

Олаф согласно кивнул.

– Нам надо поговорить с глазу на глаз.

– Не думаю, что Гизела нам помешает, но... Раз уж ты так хочешь...

Гюнтер повернулся к Гизеле:

– Иди погуляй, я скоро вернусь.

Гизела все с тем же непроницаемым лицом встала и вышла из пивной.

– Где ты сейчас живешь? – поинтересовался Олаф.

– Да какая разница! – отмахнулся Гюнтер, снова припадая к кружке. – Ну, у Гизелы. И что из этого? Ты давай говори, что тебе надо.

– Я хочу знать, что ты собираешься делать? У меня есть сведения, что готовится акция...

– А я тут при чем?

– Брось, Гюнтер, я говорю серьезно. Ты хочешь освободить жирного Германа и компанию...

Гюнтер наклонился вперед и с вызовом сказал:

– Нет, Олаф, я хочу показать этим американским воякам, что они в Германии, а не у себя в Алабаме. Я хочу показать им, что Германия еще жива, и в ней есть люди, с которыми надо считаться. Есть у меня такие мысли.

– И как ты намерен это сделать?

– Как? – Гюнтер помолчал. – Ты же знаешь, что о таких вещах не болтают посторонним. Но Олафу Тодту я могу это сказать... Если Олаф Тодт продаст меня, значит, мне нечего делать на этом свете. А план очень прост. Мы проникнем во Дворец юстиции, возьмем заложников из американцев или англичан и потребуем взамен освободить пленных...

– Ты уверен, что это стоит делать?

Гюнтер со вкусом допил пиво.

– Уже все решено. Неужели ты думал, что Гюнтер Тилковски будет смирно перебирать кирпичи и выпрашивать бесплатную похлебку? Ну и к тому же, на проведение этой акции нам выделены хорошие деньги. Если все пройдет успешно, нас сразу же переправят в Южную Америку.

Олаф помолчал.

– А Гизела?

– Она со мной. Она часть нашего плана. Важная часть. Я знаю ее давно.

– Она что – фанатик? Поклонница фюрера?

– Она немка и любит Германию.

– Понятно. Школа «Гитлерюгенда»...

– Вся ее семья погибла во время бомбежки Дрездена, когда англичане стерли город с лица земли вместе со всеми, кто там был...

– Кстати, Геринг, которого ты собираешься спасти, клялся, что ни одна бомба не упадет на немецкую землю.

Гюнтер пожал плечами.

– Мы с тобой тоже кое в чем клялись... Времена меняются.

– Да, времена меняются, и это надо видеть.

Гюнтер серьезно посмотрел на Олафа.

– Не надо объяснять мне, что к чему и на каком свете мы сейчас пребываем. Я это знаю не хуже тебя. Но я уже принял решение. А Гизела уже добыла пропуск во Дворец. Через одного из офицеров американской охраны. Сейчас она изучает все здание, входы, переходы, запасные выходы... Она уже установила, что наиболее удобным моментом для нападения может служить время обеда или ужина, когда их ведут в столовую по узкой лестнице, около запасного выхода... Охрана в это время незначительна. К тому же, на кухне работают наши пленные... С ними нужно установить связь, часть наверняка согласится нам помочь... Ты же работаешь сейчас во Дворце, как тебе наш план?

– Очень рискованный. Очень много неясностей и допущений. К тому же, сейчас, после вашего побега, охрана настороже. Если действовать, то чуть позже, когда американцы успокоятся.

– Значит, ты с нами?

Олаф какое-то время молчит.

– Во всяком случае, я не против вас, Гюнтер.

Постскриптум

«Трудно описать или представить гипнотический эффект, который Гитлер оказывал на тех, кто с ним сталкивался. Даже те, кто находился в непримиримой оппозиции к фюреру, признавали силу излучаемой им энергии и чувствовали его непреодолимую привлекательность, хотя позднее переживали замешательство и чувство вины. Это качество присуще, как

правило, очень сильным личностям, и именно харизма, а не эманация зла, была наиболее проявленной чертой Гитлера».

Гертруда Юнге, самая молодая из трех секретарей фюрера

Глава V. Должностное преступление

Ребров лежал на кровати в своем номере отеля, бесцельно уставившись в потолок. Мысли его путались, он то думал об Ирине, то пытался заставить себя анализировать последнее донесение Гектора, в котором тот давал свой расклад игр, ведущихся с Риббентропом.

Оказывается, взбодрившийся и все больше набирающий наглости в последнее время Геринг убеждает Риббентропа уделить особое внимание «секретным протоколам» и заявить о них при первой же возможности. Его поддерживает Франк, утверждающий, что Риббентроп должен сказать, что был заговор между Гитлером и русскими и потому Сталина и Молотова следовало бы посадить на скамью подсудимых рядом с ними. Риббентроп отмалчивается или говорит, что все этим договорам придают слишком большое значение, что они ничего не решали... Разошедшийся Геринг пугает его, что если у него самого «не хватит на это пороку», то он, Геринг, сам заявит об этом на весь мир. Но Риббентроп понимает, что заявить о «секретном сговоре» значит взять всю ответственность на себя – Гитлера-то уже нет! И зачем ему, Риббентропу, злить русских? Тем более, что подлинников договора нет...

Ребров встал, подошел к окну. В зловещих красных отблесках заходящего солнца перед ним громоздились груды камня и искореженного железа. И хотя он уже давно привык к этой картине, на сей раз она показалась ему особенно зловещей и страшной. На подоконнике валялся найденный им накануне в ящике стола бланк отеля с надписью готическим шрифтом, горделиво извещавшей, что Нюрнберг – город «партайтагов», то есть съездов нацистской партии...

Как обычно, ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы заставить себя думать о ситуации с Риббентропом и довоенными протоколами. Потому что война, все, что он увидел и пережил на ней, отодвинуло предвоенную жизнь куда-то так далеко, что с трудом верилось в ее реальность. А тем более – в важность того, что было тогда. Господи, да какая разница, что было тогда, когда все знали, что война неизбежна, и только надеялись, что это случится не завтра, а хотя бы немного позже...

Среднюю школу Ребров закончил с «золотым», как тогда говорилось, аттестатом. Учился он легко, потому что обладал замечательной памятью – получив до начала учебного года учебники, просматривал их и многое запоминал с первого раза. Ему еще не исполнилось тогда семнадцати лет, потому в армию его не призвали, и он сразу поступил в университет. Все студенческие годы думалось об одном – успеет он доучиться или раньше начнется война. Причем, тогда почти все были уверены в том, что война будет именно с Германией, и поэтому Ребров усиленно занимался немецким. Когда подписывали с Германией договор о ненападении, все понимали, что это лишь попытка отодвинуть войну и только. Об этом Ребров не раз говорил с отцом, и никаких заблуждений на сей счет у него не было. И вот теперь, когда ценой немислимых жертв и страданий, победили, надо разбираться, что там было, какие договоры кто заключал. Как тогда говорил Реброву отец, все пытаются договориться друг с другом или с Гитлером, но все понимают умом, что это не спасет, но надеются еще немного протянуть мирную жизнь...

От мыслей о прошлом его отвлек стук в дверь. Ребров открыл, увидел Гаврика.

– Входи.

Гаврик зашел в номер, нервно огляделся.

– Что у тебя с лицом, Гаврюха? – удивился Ребров. – Что-то случилось?

– Кое-что, – хохотнул Гаврик.

Он походил по комнате и вдруг выпалил:

– Я совершил должностное преступление.

– Ты?

– Вот.

Гаврик достал из кармана галифе конверт и протянул Реброву.

– Что это?

– Письмо руководству советской делегации.

– Ну, я в нем не числюсь. Зачем ты принес его мне?

– Хочу, чтобы ты его прочитал. Не бойся, оно уже вскрыто... Да читай же наконец! – взорвался Гаврик.

– Хорошо, – успокаивающе сказал Ребров. – А ты воды, что ли, пока выпей...

Пока Гарик наливал себе воды, Ребров быстро пробежал глазами послание. «Доводим до сведения командования Советской делегации, что ее сотрудник Д. Ребров вступил в тесные контакты с переводчицей французской делегации... Их отношения таковы, что возможна утечка любой, даже самой важной информации...» Подписи не было.

Ребров сложил бумагу, вложил обратно в конверт.

– Откуда оно у тебя?

– Письмо принес американский курьер вместе с пакетами стенограмм допросов, – объяснил Гаврик. – Швырнул, как обычно, на стол. Расписку не брал. Так как письмо необычное, я вскрыл его как дежурный офицер... Больше его никто не видел! Я сразу после дежурства к тебе.

– Спасибо, Гаврюха, – вздохнул Ребров. – Но ты можешь попасться... Если узнают. А особенно если пронюхает наш друг Косачев.

– Я тебе говорю – никто не видел. Никто о нем ничего не знает. Курьеру, сам понимаешь, это до лампочки... Так что письмо мы можем просто уничтожить. Но!.. Ты же понимаешь, что о ваших отношениях с Куракиной говорят уже все. Счастье, что Косачев еще не знает.

– Знает.

– Знает?.. Тогда странно, что ты еще здесь!

– Просто есть обстоятельства... В общем, Филин сказал ему, что я встречаюсь с Куракиной по служебной надобности.

– И ты думаешь, он поверил?

– Думаю, не до конца. Во всяком случае, я чувствую, что его люди за мной присматривают.

– Еще бы!

– Но дело не во мне. За себя я не боюсь.

– Я понимаю. Если такое письмо поступит во французскую делегацию, бедной княжне не поздоровится.

– Да в том-то и дело, Гаврюха! У меня прикрытие, а у нее ничего!

– Какая же падла это строчит? – выругался от избытка чувств интеллигентный Гаврик. – Знаешь, судя по всему, это писал не наш человек...

– Ну, сия тайна невелика есть, – усмехнулся Ребров. – Действительно, не наш. Но такого я от него не ожидал!

– Ты уверен, что знаешь его?

– На девяносто девять процентов... Но все равно нужно проверить.

– Что делать будешь?

– А у тебя есть совет?

– Ты его все равно не послушаешь, – махнул рукой Гаврик. – Но заткнуть этот фонтан надо. Если нужна моя помощь... По-моему, она очень хороший человек.

– Кто? – рассеянно спросил задумавшийся Ребров.

– Ее светлость княжна Куракина, вот кто!

Ребров удивленно посмотрел на Гаврика.

– Слушай, Гаврюшка, а ты часом не влюбился, а?

Гаврик вдруг залился краской и отчаянно замотал головой.

– Дурак ты, Ребров. И язык у тебя без костей! Мелешь ерунду!

Постскриптум

Оперативники ГУКР Смерш, работавшие в Нюрнберге, обратились в Москву с просьбой о выдаче им загранпаспортов, так как в связи с большим наплывом иностранцев американцы ужесточили режим пребывания, осуществили ряд полицейских мер. Одновременно они усилили разведывательную и контрразведывательную работу среди советской делегации. Отсутствие загранпаспортов затрудняло передвижение по городу и решение оперативных вопросов.

Из документов ГУКР Смерш

Глава VI. Речь идет о вашей чести

Барона Розена он дожидался в коридоре, ведущем в отсек французской делегации. Розен шел, опустив голову, словно не видя ничего вокруг. Ребров догнал его и крепко взял за руку. Розен, вздрогнув, обернулся и уставился, ничего не говоря, на Реброва расширившимися безумными зрачками.

– Господин барон, нам надо поговорить, – голосом, не терпящим возражений, сказал Ребров.

– Позвольте! – попытался вырвать руку барон. – Какого черта! Мне не о чем разговаривать с вами, господин чекист!

– Это в ваших интересах, господин барон. Иначе...

– Не стоит меня запугивать!

Бешеным усилием Розен наконец освободил руку.

– Не трудитесь! Я вас не боюсь. Мы не в подвалах Лубянки, где вам все позволено!

– Я жду вас через четверть часа у фонтана на площади, – спокойно сказал Ребров. – Учтите, речь идет о вашей чести... Ровно через четверть часа.

Нудный дождь то переходил в снег, то вдруг неожиданно прекращался. Ребров стоял у фонтана, засунув руки в карманы, и тяжело смотрел на скульптуру нагой женщины, в виде которой был сделан фонтан. Каким-то чудом она осталась цела, и ее нагота была особо несуразна среди развалин.

Он даже не услышал, как подошел Розен. Барон останавливается в шаге от Реброва и смотрит на него, выставив вперед подбородок. Похоже, он был готов ко всему.

– Зачем вы пошли на эту подлость? – холодно спросил Ребров.

– Во-первых, я не понимаю, о чем вы говорите, – высокомерно сказал барон. Но голос его дрогнул. – Во-вторых, в отношении таких людей, как вы, понятие подлость неуместно и неприменимо.

– Ну да, я же кровавый чекист...

– Вот именно. Это ваши предшественники объявили моих родителей вредными насекомыми, которых можно уничтожать любым способом. Любым. И уничтожили.

– Послушайте, барон, по этому вопросу мы с вами уже объяснялись. Но я готов напомнить вам еще раз, что во время революции мы с вами еще и не родились...

– Это ничего не меняет, – сцепил зубы Розен.

– Хорошо, – кивнул Ребров. – Со мной все понятно. В отношении меня вам дозволено все, любые действия, любые мысли. Но Ирина... Ведь вы же любите ее. И идете на подлость, способную погубить ее...

– Не смейте касаться моих чувств в отношении княжны Куракиной! Слышите – не смейте!

Ребров вдруг почувствовал жалось к Розену. Он действительно любит Ирину, давно и отчаянно, и ничего не может с собой поделать... Но ведь вовсе не Ребров виноват в том, что Ирине нечем ответить на его чувства – просто так сложились жизнь и судьба...

– Я пытаюсь спасти ее, – вдруг сорвался Розен. – Хотя это уже бесполезно. Вы уже погубили ее... Ваше исчезновение – единственное, что может хоть как-то спасти ее. Вот почему мне надо, чтобы вы исчезли. В Сибирь вас отправят или Магадан – мне все равно. У меня нет по отношению к вам ни обязательств, ни жалости. Вы испоганили ее жизнь, и единственное, что мне остается – уничтожить вас. Любой ценой... И я не успокоюсь. Слышите, не успокоюсь!

Ребров смотрел на его искаженное злобой лицо и думал, что этот человек не оставляет ему выбора. Ему можно посочувствовать, его можно понять, но его надо остановить.

– Успокойтесь, господин барон. Успокойтесь и остановитесь. Перестаньте делать подлости, за которые вам же потом будет стыдно... Иначе я уничтожу вас.

– Как? Пуля в затылок? Петля на шею? Это же ваши методы!

Ребров покачал головой.

– Есть кара и пострашнее для вас, господин барон. Вы – дворянин, у вас должны быть понятия о чести. Если вы продолжите писать бредовые доносы, то о вашей подлости станет известно не только здесь, но и в Париже... Вы предстанете перед всеми вашими друзьями и близкими как персонаж, который выдал княжну Куракину советским органам.

Ребров повернулся и, не прощаясь, пошел прочь.

– Ненавижу! – затравленно прошептал, глядя ему вслед, Розен. – Ненавижу!

На глазах его выступили слезы.

Обнаженные, они стояли у окна в комнате княгини Трубецкой и смотрели на таинственно мерцающие ветви деревьев, закованные после прошедшего вечером ледяного дождя в прозрачный панцирь. Ледяной сад казался чем-то нереальным, то ли выдумкой, то ли фантазией, как и все, что случилось между ними...

Ирина провела легкими пальцами по шраму на его плече.

– Что с тобой сегодня? – обернулся к ней Ребров. – Что с тобой?

– Мне сказали, что у тебя могут быть из-за меня неприятности... Тебя могут отправить в Москву или даже в Сибирь...

– И кто это тебе сказал?

– Неважно.

– Это Розен?

– Какая разница!

– Не обращай внимания – он просто ревнует. Мне даже его жалко...

– Да?

– Представь себе. Кстати, а у тебя? У тебя не может быть неприятностей? Ты хоть представляешь, с кем связалась?

– Не знаю, как-то не думала... Ну, меня могут отправить в Париж... Но это не самое страшное, что может быть в жизни. Подумаешь, потеряю зарплату! Нам, русским княжнам, к бедности не привыкать...

Постскриптум

В конце 1944 года де Голль совершил поездку в Советский Союз. Прежде всего, он хотел установить контакт со Сталиным. Главной целью было подписание союзного договора между СССР и Францией. Де Голль говорил, что необходимо «восстановить в какой-либо форме франко-русскую солидарность, которая соответствует естественному порядку вещей. Как перед лицом немецкой угрозы, так и перед лицом попыток установить англо-американскую гегемонию».

Константин Мельник, сын русского эмигранта, фактический руководитель французских спецслужб при де Голле

Глава VII. Женщина мечты для тех, кого ждала смерть

Зал на третьем этаже нюрнбергского Дворца юстиции выглядел даже не строго, а мрачно, если не зловеще.

Темно-зеленый мрамор на стенах, закрытых панелями темного дерева, даже на взгляд казался пронизывающе холодным, все окна были плотно зашторены, чтобы в зал не проникал дневной свет.

На специальном возвышении был установлен длинный стол для судей Трибунала, за их креслами – большие государственные флаги стран-победительниц – СССР, США, Великобритании, Франции.

Скамья подсудимых в два ряда располагалась в другом конце зала напротив, так что судьи и подсудимые постоянно смотрели друг на друга. За подсудимыми стояла целая шеренга американских солдат в белых касках, белых португелях с дубинками в руках. Перед ними, словно защищая от судей, на скамьях в три ряда нахохлились адвокаты в черных и лиловых мантиях, очень похожие на стаю воронов.

Ребров, провозившийся с очередной шифровкой от Гектора, к началу первого заседания опоздал. Он пробрался на гостевой балкон, когда Главный американский обвинитель Джексон уже говорил.

– Господа судьи! Честь открывать первый в истории процесс по преступлениям против всеобщего мира налагает тяжелую ответственность. Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся...

Приподнявшись на носки, чтобы лучше рассмотреть Джексона, Ребров вдруг заметил в первом ряду гриву Пегги, которая сегодня была в военной американской форме. Положив руки на барьер, она внимательно смотрела в зал. И что удивительно, рядом с ней было пустое кресло.

Денис, недолго думая, пробрался вперед и нахально уселся рядом с Пегги.

– Здравствуйте, Пегги, – негромко сказал он, наклоняясь к ней. Его сразу обдало волной дорогих духов. – Что-то мы с вами давно не виделись...

Он еще говорил, но уже понимал, что рядом с ним не Пегги. Это была сама Марлен Дитрих, о прибытии которой на процесс захлеб писали все газеты. Она посмотрела на него с веселым изумлением. Ребров закашлялся от смущения.

– Простите, госпожа Дитрих... Я ошибся. Я принял вас за другую женщину...

Марлен даже руками всплеснула от удивления.

– Давненько меня ни с кем не путали. Это даже интересно!

– Извините еще раз.

Дитрих, не сводя с Реброва глаз, вдруг достала из нагрудного кармана тюбик с пастилками, положила одну в рот, другую протянула ему. Ребров благодарно кивнул и послушно принялся жевать. Пастилка была мятная.

«Ну, ты даешь, – думал Ребров, – не узнал саму Марлен Дитрих, всемирно известную кинозвезду». Кстати, ее, урожденную немку, пытался уговорить вернуться в Германию даже лично Риббентроп, будучи министром иностранных дел, но она просто выставила его и демонстративно отказалась от германского гражданства. А когда началась война, отправилась на фронт петь для американских солдат, которые ее обожали. Она была женщиной мечты для тех, кого ждала смерть.

– Это судебное разбирательство приобретает значение потому, что эти заключенные представляют в своем лице зловещие силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах, – говорил Джексон. – Они в такой мере приобщили себя к созданной ими философии и к руководимым ими силам, что проявление к ним милосердия будет поощрением того зла, которое связано с их именами...

– Послушайте, а вы кто? – весело спросила Дитрих, когда в заседании был объявлен перерыв.

– Меня зовут Денис Ребров. Я из делегации СССР.

– О, русский! А почему вы не в мундире? Другие русские в своих мундирах с золотыми погонами выглядят так, как и подобает победителям. Вы что – не воевали?

– Воевал, но сейчас...

Но Марлен не слушала его. Она была занята своими мыслями.

– Знаете, я никогда не чувствовала себя такой счастливой, как в армии! Моя немецкая душа, видимо, встрепенулась на фронте... Немцы – нация военных. Я воспринимала трагедию войны с какой-то мрачной сентиментальностью. Борьба, смерть, долг – это мое. Это то, что способен почувствовать каждый немец.

– Но вы были в американской армии, – мягко напомнил Ребров. – Выступали для американских солдат, воевавших с немцами.

– Разумеется. А для кого же я должна была выступать? Не для этих же... – брезгливо кивнула она в сторону зала, из которого американские охранники выводили подсудимых на обед.

– А вот Ольга Чехова пела для немецких солдат, – зачем-то напомнил Ребров.

– Что ж, у каждого своя конюшня, – равнодушно пожала плечами Марлен. – Каждый выбирает ту, что ему подходит.

– Знаете, недавно немецкая девушка плюнула ей в лицо...

– Ну, если учесть, что Гитлер называл ее своей любимой актрисой...

– Как раз не за это.

– А за что же?

– Она набросилась на Чехову потому, что теперь ходят слухи, будто она была русским агентом.

– А она действительно им была? – с явным интересом спросила Марлен.

– Не знаю. Я с ней не работал.

– А зачем вы мне это рассказали?

– Вы не боитесь, что немцы сейчас относятся к вам так же, как к Чеховой? Как к предательнице, а не как к героине?

– Это их проблемы. Немцы сами выбрали Гитлера. И были с ним до самого конца. Им не на кого жаловаться. Но, уверяю вас, в меня они плюнуть не посмеют. Немцы знают как вести себя с победителями.

И тут на них налетела Пегги. Она на сей раз была в строгом деловом костюме.

– Привет, Марлен! Боже, как я рада!... Мы столько не виделись!...

Марлен обняла Пегги.

– Последний раз это было в Париже, моя дорогая. Сразу после освобождения...

– Ты надолго сюда, в Нюрнберг? Может быть, собираешься сделать фильм про этот процесс?

– Нет, пока все это выглядит совсем не кинематографично... Надеюсь, когда будет выступать русский обвинитель... Кстати, в каком он звании, Денис?

– Генерал.

– Я надеюсь, ваш генерал будет в мундире и сапогах. И в какой-то момент достанет из своих галифе пистолет и пристрелит какого-нибудь Геринга!.. Вот это было бы кино!

– Да, это была бы сенсация, – согласилась Пегги.

– Ну, вряд ли это случится, – улыбнулся Ребров. – Это совершенно невозможно, уверяю вас. Генерал Руденко умеет держать себя в руках.

Тут Марлен принялась раздавать автографы и улыбки окружившей их со всех сторон публике.

– Пойдемте в бар, выпьем что-нибудь, – потянула Реброва за руку Пегги. – Хорошо, что я сегодня не надела свою солдатскую форму, а то бы выглядела как жалкая подражательница Марлен. И тогда мне пришлось бы застрелиться.

В баре Пегги, прищурившись, посмотрела на Реброва.

– А где же наша княжна? Я ее давно не видела.

– Она приболела.

– О, я надеюсь, ничего серьезного! Она очень мила. Очень! В аристократах все-таки что-то есть... Я люблю аристократов, – с вызовом сказала Пегги. – Хотя вам, представителю пролетарского государства это, наверное, не по вкусу.

– Ну, американское общество тоже не назовешь аристократическим, – отбился от наскоков Ребров. – А сами вы, Пегги, не голубых кровей?

– Я? Увы... Мой папа был простым ирландским пьяницей и безжалостно лупил мою бедную мать. И меня с братьями заодно. В детстве я все время была голодна, мороженое было для нас недостижимой мечтой... Но потом я разобралась, что к чему в этом мире.

– И как он устроен, этот самый мир?

– О, весьма сложно. Но есть одно правило, которое надо соблюдать, – уже совершенно серьезно сказала Пегги.

– И какое?

– Не давать себя в обиду, – жестко сформулировала Пегги. – Никому и никогда не давать себя в обиду. Люди сразу чувствуют, кто может дать сдачи, а кто нет. С кем можно связываться, а с кем не стоит. Я из тех, с кем связываться не стоит. Но для друзей я готова на многое...

Пегги многозначительно посмотрела на Реброва.

– Подарили бы мне какую-нибудь сенсацию от русской делегации, а? Я бы сумела вас отблагодарить...

– Пегги, за вами и так должок, – засмеялся Ребров. И напомнил: – Кто подарил вам сенсацию с эсэсовцами?

– Я помню и скоро преподнесу вам ответный подарок... Но неужели русские не готовят какой-нибудь сюрприз? – напирала Пегги. – А мне кажется, ваш Сталин любит всевозможные сюрпризы.

– Пегги, я уверен, вы знаете секретов гораздо больше, чем я. Я занимаюсь здесь лишь скучными юридическими консультациями, копаюсь в бумагах, перевожу документы...

– Так я вам и поверила. Вы очень скрытный, господин Ребров, и таинственный. Прямо шпион какой-то! – подмигнула Пегги.

– Ну, какой из меня шпион! – отмахнулся Ребров.

– Ладно-ладно... Но вы можете быть уверены, что Пегги болтлива только тогда, когда ей это надо.

– Учту.

– Кстати, как вам живая Марлен Дитрих? Наверняка вы видели ее так близко впервые...

– Она настоящая звезда.

– Да-да, Марлен знает толк в этом ремесле. Я знакома с ней уже много лет. Так уж случилось, что чуть ли не первое мое интервью для газеты было именно с ней. Подруга каждого сол-

дата Америки – лучшая из сыгранных Марлен ролей, и самая любимая. Именно она принесла ей самый большой успех. Но... Если верить всему, что говорит Марлен, можно подумать, что она провела на фронте под огнем несколько лет. И все время рисковала быть убитой. Или, что еще хуже, попасть в лапы к нацистам, которые тут же принялись бы ее насиловать. Она сначала убедила в этом публику, а потом поверила сама. В действительности же со всеми приездами и отъездами наша звезда была в Европе чуть больше года, а между концертами перед солдатами летала в Нью-Йорк и Голливуд.

– Уж не завидуете ли вы ей, Пегги? – удивленно поднял брови Ребров.

– Я? Нет. Но я журналист и должна знать правду. Я могу что-то выдумать для сенсации, но для себя я должна знать правду. Правда – страшная штука. Она совсем не многим по силам. Но она затягивает. Тебе все время хочется знать ее больше и больше, хотя она приносит одни тревоги и неприятности. Но если ты уже знаешь ее вкус, то не спутаешь его ни с каким другим.

Пегги помолчала.

– А что касается Марлен... Она сделала для американских солдат, что могла, но... Было много других женщин, которые делали все, что в их силах, и они не получили за это ничего. А она стала символом победы. Понимаете меня? Я хочу сказать, Марлен из тех, кто умеет получать за свою работу. И никогда не продешевит.

В этот момент рядом с ними возник Крафт. Как всегда, веселый и улыбающийся.

– А вот и я! О чем разговор? Хотя, погодите, я сам угадаю. Пегги вытягивает из вас, Денис, какие-то секреты о деятельности русской делегации?

– Ты не угадал, Алекс, – остановила его Пегги. – Просто я рассказывала нашему русскому другу кое-что о Марлен, рядом с которой он оказался и был просто ослеплен ее красотой и величием.

– Да? А мне показалось, что вам нравятся совсем иные женщины, – игриво посмотрел на Реброва Крафт. – Я имею в виду – другого плана.

– Мне нравятся разные, – буркнул Ребров.

– Ого! И это правильно!

Заметив, что Реброву неприятен этот разговор, Крафт тут же сменил тему.

– Кстати, о Марлен. У нее есть сестра Элизабет. Англичане нашли ее в одном из самых страшных концлагерей – Берген-Бельзене. Из 60 тысяч узников, содержавшихся в бараках, 10 тысяч были уже мертвы, а еще несколько тысяч умерли в течение нескольких дней после освобождения... А сестра Марлен и ее муж, как выяснилось, просто держали при лагере кафе, где столовались палачи из Берген-Бельзена... Элизабет с мужем были тихие и добропорядочные граждане рейха, которые делали свое дело. Элизабет представляла из себя красивую, здоровую, хорошо упитанную даму, хотя рядом с ней умирали от голода и пыток тысячи... Но эта история вовсе не про Марлен. Эта история про немцев. Руководителей, которых сейчас судят.

– Ты закончил? – осведомилась Пегги, которая сама любила солировать.

– В принципе, да. Но есть еще одна история. Она будет очень интересна нашему русскому другу... На днях американскую делегацию со скандалом покинул один из ее членов. И знаете почему? Он заявил, что в американской делегации слишком много евреев, которые стали американскими гражданами совсем недавно – или перед самой войной, или даже во время нее. Эти эмигранты из Германии, бежавшие от нацистов, думают не о правосудии, а о мести, заявил этот человек... И поэтому он не хочет участвовать в пародии на суд, где не будет места справедливости и закону.

После небольшой паузы Пегги сказала:

– Сдается мне, в этой истории чего-то не хватает.

– Да, – согласился Крафт. – Не хватает фамилии героя. Так вот это хорошая немецкая фамилия. Он сам из семьи немецких эмигрантов.

– Как и ты, – показала Крафту язык Пегги.

– Увы, – склонил голову тот. – Не всем же выпало счастье родиться ирландцами.

Постскриптум

«Предлагаю устроить в крыле для свидетелей просмотр фильма о злодеяниях нацистов, чтобы несколько сбить с них спесь перед выходом к свидетельскому барьеру. Я имею в виду таких людей, как секретарша Гесса фрейлейн Шпеер – фанатичную нацистку, упорно настаивающую на том, что нацисты не совершали ничего предосудительного, а все ужасные вещи – лишь происки пропаганды.

Я имею в виду и прочих милитаристов, полагающих, что честь вермахта осталась незапятнанной их беспрекословным подчинением Гитлеру».

Густав Гилберт, американский психолог, работавший с подсудимыми на процессе

Глава VIII. Она принесет себя в жертву

Прием в честь начала процесса, который американцы закатили в ресторане «Гранд-отеля» был в самом разгаре. Напитки лились рекой. Разгоряченные гости уже принялись за танцы. Блистательная Марлен Дитрих была, разумеется, в центре внимания. Группа советских переводчиц вдруг дружно затянула «Из-за острова на стрежень...». Американцы и англичане шумно зааплодировали. Ребров, рассеянно наблюдавший за происходящим из-за мраморной колонны, вдруг заметил, что княгиня Трубецкая пробирается к выходу, и устремился следом.

– Добрый вечер, Татьяна Владимировна, – негромко окликнул он ее в пустынном фойе.

– А-а... это вы, молодой человек, – обернулась княгиня. – А я вот решила покинуть сие торжество. Утомилась, знаете ли... Отвыкла. И потом все французы ушли, мне неловко оставаться, ведь я все-таки здесь от лица Франции.

– А что случилось?

– Случилось, что ваш большой начальник, господин Вышинский, обидел Францию. Он сказал, что поднимает бокал за самых лучших и благородных союзников СССР – англичан и американцев... Французов то ли забыл, то ли нарочно не упомянул. Они обиделись и покинули зал. А я вот задержалась, заболталась со старыми знакомыми.

Ребров помог княгине надеть весьма скромное на вид пальто.

– Татьяна Владимировна, я хотел спросить вас... Как Ирина Юрьевна?

– У нее сильный жар, бедняжка вся горит. Но американцы помогли с лекарствами, так что все будет хорошо. Со временем, конечно.

– Я мог бы отвезти вас домой... У меня машина.

– Бог ты мой, какая роскошь! Свое авто! Ну что ж, если вы не шутите... А то в городе такая погода, что хороший хозяин и собаку на улицу не пустит.

Сумрачные улицы и переулки Нюрнберга были пустынными.

– Татьяна Владимировна, я хотел... – нерешительно начал Ребров.

– Ах, Денис – ведь вас, кажется, так зовут? – не стоит ничего говорить. Я все понимаю, но...

– Но почему два человека, молодых и свободных, не могут просто любить друг друга? – упрямо воскликнул Ребров. – Не понимаю! Почему всех это раздражает? Почему все хотят помешать? Лезут им в душу?

– Да все вы понимаете, мой дорогой, – вздохнула княгиня. – В том-то и дело, что вы оба не свободны. Вы скованы по рукам и ногам. Цепями неимоверной тяжести и крепости. Потому что за каждым из вас другой мир. И не просто другой, чужой, а – враждебный, с которым не может быть примирения.

– Господи, да мы русские люди!

– Русские. Да не те...

– И что же делать?

– Не знаю. Только Ирину мне безумно жаль, потому что поступит она, как и должно русской женщине.

– То есть?

– Пожертвует собой.

– Но почему она должна жертвовать собой? Зачем?

– Потому что она не может иначе. Доля наша такая, доля русских баб...

– И что она сделает с собой?

– Не знаю. Помните, как у Ивана Алексеевича Бунина в рассказе? Герой получает письмо. Это была ласковая, но твердая просьба не ждать ее больше, не пытаться искать, видеть... Бесполезно длить и увеличивать нашу муку... Это про нее, про Ирину. Она поступит именно так.

– Как?

– Принесет себя в жертву.

Постскриптум

Бывшие служащие вишистской милиции, выполнявшие во время оккупации Франции задания гестапо, теперь примазывались к партизанам. Участие в наказании женщин, которые вступали в связь с немцами, казалось самым очевидным способом проявить свою лояльность новой власти. Наказать беззащитных женщин – значит войти в круг победителей. Остричь легкомысленную женщину наголо и выставить на поругание – означало зачислить себя в число борцов Сопротивления. А толпа с удовольствием наблюдает за издевательством.

Из воспоминаний французского партизана

Глава IX. Это был американец

Распрошавшись с Трубецкой, Ребров, подумав, решил вернуться в «Гранд-отель»: в конце концов задачу наблюдать за происходящим и делать выводы никто не отменял. Припарковав машину, он вдруг ясно услышал два выстрела.

От громоздкого черного автомобиля, стоящего совсем недалеко от входа в отель, в сторону развалин бежал человек с пистолетом. На мгновение остановившись, человек обернулся и тут же пропал среди обрушенных стен...

Когда Ребров подбежал к машине, он увидел, что правая дверца распахнута, а шофер, сержант советской армии, лежит головой на руле.

– Живой? – спросил Ребров, осторожно откидывая тело на спинку сиденья.

Сержант застонал.

– Кто стрелял? Кто это был?

– Американец, – еле слышно прошептал сержант. – Форма американская...

От отеля к автомобилю, рядом с которым стреляли, уже неслась американская военная полиция. Когда они подбежали, сержант был уже мертв.

– Американцы звонят, извиняются, – сказал Руденко, положив трубку телефона. Он обвел взглядом присутствующих. На утреннее совещание в кабинете Руденко, едва успевавшего отвечать на звонки, были приглашены Покровский, Зоря, Александров, Филин и Ребров, как непосредственный свидетель происшедшего.

– Не верят они, что это мог сделать американец, – разводит руками Руденко. – Говорят, что ваш сотрудник ошибся или не расслышал... Товарищ Ребров, так ты точно расслышал, что сказал сержант?

– Точно. Ошибиться я не мог, – Ребров встал, чтобы его ответ звучал как можно убедительнее, по-официальному.

– Да ты сиди, – махнул рукой Руденко.

– Но, товарищ генерал, – вмешался Филин, с которым Ребров поздно ночью обсуждал ситуацию. – Это не значит, что это был именно американский военнослужащий. На кой им это нужно?

– То есть?

– Это мог быть немец, раздобывший американскую форму. Кстати, убежал-то именно в сторону развалин, где раньше работали военнопленные... Это мог быть один из них.

– Мог-то он мог, да поди теперь разбери... Главное, на кой ему это было нужно?

– Все говорят, что это было покушение на вас, Роман Андреевич. Журналисты уже передали эту версию в газеты... – вмешался Покровский. – А покушение на вас, Главного обвинителя от СССР, это уже очень серьезно. И очень многим на руку.

– Многим – это не разговор, – отрезал Руденко. – Кому именно? Что я Москве докладывать буду? И главное – как это может отразиться на процессе? Вот что меня тревожит.

– Ну давайте еще раз подумаем, что же именно произошло. С самого начала, – спокойно сказал Филин. – Стрелять именно в сержанта Бубнова – кому это нужно? Какой тут смысл?... Можно допустить, что стреляли просто в члена советской делегации – неважно в кого. Просто из слепой ненависти к русским. Но тогда зачем это делать прямо у «Гранд-отеля» и именно во время приема по поводу начала процесса?.. Скорее всего, рассчитывали, что в машине находился кто-то, кроме шофера. А нападавший просто не разобрался в темноте и спешке, что в ней никого нет... Вы этой машиной часто пользуетесь, Роман Андреевич?

– Несколько раз ездил.

– Значит, вариант покушения именно на вас в принципе реален...

– Да все тут ясно, – рубанул воздух ладонью Покровский. – Покушались именно на Романа Андреевича. А смысл очень простой – прервать работу Трибунала или вовсе сорвать ее!

– Могли рассчитывать поссорить делегации, – вступил в разговор Александров. – Главный советский обвинитель убит в американской зоне оккупации. Сразу возникает миллион вопросов. Что – прошляпили? Или сознательно допустили? На глазах у сотен журналистов со всего мира! Тут такой скандал развернется, что ого-го!

– Да, – вздыхает Руденко, – небо покажется с овчинку.

– Шум уже поднялся, а мы молчим, – подал голос Зоря. – Может, надо сделать какое-то заявление? Выразить протест?

– А что это даст? – не согласился Филин. – Американцы и так землю роют – вон Реброва чуть не загребли, мы его еле отбили... Наш протест в данной ситуации будет выглядеть только как нагнетание обстановки. А нам нагнетание вокруг процесса ни к чему.

– Согласен с тобой, Сергей Иванович, – подвел итог Руденко. – Думаю, спешить не надо. Для нас главное – процесс. Он должен идти нормально, столько сил в него вложено, такое значение весь мир ему придает... Пусть американцы занимаются расследованием, посмотрим, что они выяснят, кого поймают...

– Думаю, никого, – откинулся на спинку кресла Филин. – Им это не выгодно. Если убийца немец – налицо разгильдяйство с их стороны. Если американец – еще хуже.

– Ну пусть тогда чувствуют себя перед нами виноватыми, – усмехнулся Руденко. – Это не помешает. В случае чего – напомним, что за ними должок имеется.

– Идиоты! Сто раз идиоты! Тысячу раз идиоты! Миллион!.. Убили русского шофера... Зачем? Чего они этим хотели добиться?

Барон был в гневе. Его буквально трясло.

– Только разозлили американцев! Русские теперь могут потребовать более жесткого отношения к немцам! Твой друг, которого ты так расхваливал, имеет отношение к этому маразму?

Олаф покачал головой. Он сидел в кресле, а обычно спокойный барон, как тигр, метался по своему кабинету.

– Это, конечно, глупо, господин барон, но...

– Что? Какое тут может быть «но»?

– Многие немцы просто в отчаянии. Когда я вижу их на улицах с какими-то узлами в руках, что-то везущих на телегах и велосипедах, они представляются мне призраками, которым уже нет места на земле Германии... Призраками с пустыми глазами. Люди просто сходят с ума от унижения, которому, кажется, уже никогда не будет конца!

– И поэтому надо убивать русского шофера в звании сержанта?

– Думаю, целью все-таки был русский генерал. Если бы это удалось, то...

– Если бы! – сардонически засмеялся барон. – Если бы Германия выиграла войну, сейчас бы она диктовала условия! Кстати, не представляю себе, что случилось бы, если бы убили Главного русского обвинителя? Что изменилось бы?... Русские назначили бы нового обвинителя и удесятирили свою жесткость. И им бы никто не возражал. Но убили простого шофера! Непростительная глупость! Я убеждал американцев, что мы контролируем все немецкие силы здесь, что никаких сюрпризов и эксцессов не будет... А теперь я выгляжу перед ними, как хвастливый петух, который ничего не может сделать. А значит, ничего не может требовать!

– Можно сказать им, что это был свихнувшийся фанатик. Одиночка! Такие есть.

Барон укоризненно посмотрел на Олафа.

– Именно так я и сказал им. Потому что больше сказать просто нечего. Но этого слишком мало, катастрофически мало!.. Мы должны доказывать, что без нас американцам не спра-

виться! После того, что случилось, нам теперь нужно продемонстрировать им свою значимость и незаменимость. Кое-что я уже предпринял.

Олаф вопросительно взглянул на барона.

– Американцы прислали в Германию специальную группу экспертов, которые должны отыскать все, что относится к экспериментам медиков СС и гестапо с применением мескалина.

– Мескалина?

– Да. Это препарат, который получали из эссенции какого-то редкого кактуса. Медики СС искали средство подавить волю человека, парализовать психику, изменить его поведение в нужном направлении.

– Я слышал, что эти опыты проводились над заключенными в лагерях, в первую очередь над русскими пленными. Об этом, кстати, говорят на процессе русские обвинители. Это одно из самых тяжелых обвинений.

– Знаю. Но при этом в Америке создано «Подразделение 19», которое должно, используя полученные СС результаты, создать препараты для особо засекреченной американской агентуры. Речь идет об оружии специального назначения – химических, биологических и психологических средствах воздействия... Пришлось выдать американцам часть документов, которые находились у меня на хранении.

Олаф не смог скрыть изумления.

– Да-да, они хранились у меня, и я не собирался их никому отдавать. Но... После этого дурацкого покушения мне пришлось кое-чем пожертвовать, чтобы набить цену перед американцами. Но этого мало. Надо дать им что-то еще...

– Если бы мы знали, где спрятано «альпийское золото»... Можно было бы откупиться им. Ну не всем, конечно... Только маленькой его частью.

– Нет, с золотом мы спешить не будем, – задумчиво сказал барон. – Золото мы прибережем. Ты рассказывал мне про группу этого твоего друга Гюнтера Тилковски... Ну, про их план захвата членов трибунала и освобождение подсудимых...

– Не думаю, что у них что-то получится.

– У них не получится ничего, – решительно отрезал барон. – Ровным счетом ничего. Потому что они будут арестованы американцами.

– Американцы вышли на них?

– Пока еще, слава богу, нет. Но скоро выйдут.

Барон загадочно улыбнулся. Олаф, глядя на его улыбку, заметно побледнел.

– Но, господин барон...

– Да, мой мальчик, да! Американцы выйдут на них, потому что мы с тобой сдадим их американцам, – барон говорил жестко, не выбирая выражений. – Мы сдадим их вместо золота. Золото нам еще понадобится самим, если мы его отыщем. Оно понадобится будущей Германии. А эти сумасшедшие с их идиотскими планами никому не нужны.

Барон брезгливо махнул рукой.

– Они только мешают. Пора пришла избавиться от них. Но не просто избавиться, а с выгодой для себя. Пусть послужат великому делу возрождения Германии. В конце концов они немцы.

Олаф встал, голос его дрогнул.

– Вы предлагаете мне предать друга... Я не могу, господин барон. Вместе с Гюнтером мы рисковали жизнью, мы дружим с детства!

– Я понимаю твои чувства, мой мальчик.

Барон подошел к Олафу вплотную и положил руку ему на плечо. Сильно, так, чтобы Олаф почувствовал, сжал пальцы.

– Но я предлагаю тебе не предать его, а спасти! Понимаешь – спасти. Если они предпримут что-нибудь, их просто перебьют, как щенков. А если американцы арестуют их раньше,

еще до того, как они что-то предпримут, до того, как они наделают кровавых глупостей, они останутся в живых. Мало того, через какое-то время выйдут на свободу. Достаточно быстро. Потому что их вина в таком случае будет детской шалостью на фоне других. Пойми это, Олаф! Я не хочу, чтобы ты всю оставшуюся жизнь чувствовал себя предателем. Ты просто спасешь их от смерти. Причем смерти глупой и ненужной Германии. И заодно поможешь нашему делу. Найди мне этого Гюнтера и его группу. Найди. Это приказ.

Постскриптум

«Лионский мясник» (Клаус Барбье – шеф гестапо в Лионе) был известен французам своими изуверскими методами ведения допросов... Барбье обратился в армейскую контрразведку США и был сразу взят на роль платного информанта... Так началась роковая двойная игра, в ходе которой, с одной стороны, агенты США продолжали охоту за военными преступниками в интересах Нюрнбергского трибунала, а с другой за кулисами в молчаливом единодушии ревностно заботились о том, чтобы «ценные люди не предстали перед ликом своих обвинителей».

Гвидо Кноп, известный немецкий историк и писатель

Глава X. Истинные германцы

Советский обвинитель Лев Смирнов показал судьям и залу большую книгу в кожаном переплете, напоминавшую своими объемами средневековые инкунабулы.

– Перед вами отчет генерал-майора Штрумпфа своему начальству об успешной ликвидации варшавского гетто. Тут только имена умерщвленных. Ваша честь, – обратился он к председателю суда, – прошу вас приобщить эту книгу к вещественным доказательствам. А теперь я хочу привести цитаты из дневника генерал-губернатора Польши Ганса Франка, находящегося на скамье подсудимых. Вот что он пишет: «То, что мы приговорили миллионы евреев умирать с голоду, должно рассматриваться лишь мимоходом... С Польшей нам надо вести себя как с колонией. Все поляки станут просто рабами великого германского рейха...»

Франк, сидящий на скамье подсудимых сторбился и напрягся.

– Именно Франк отдал приказ «со всей жестокостью и безжалостностью ликвидировать варшавское гетто», – продолжил Смирнов. – Описывая начальству выполнение этого приказа, генерал Штрумпф пишет: «Я решил уничтожить всю территорию, где скрывались евреи, путем огня, поджигая каждое здание и не выпуская из него жителей». Эсэсовцы и приданные им в помощь военная полиция и саперы заколачивали выходные двери, забивали нижние окна и поджигали здание. Тех, кто пытался выбраться из огня, убивали. В отчете говорится: «Солдаты неуклонно выполняли свой долг и пристреливали их, прекращая агонию и избавляя их от ненужных мук». Тех, кому удавалось все-таки уползти и скрыться в руинах, разыскивали с собаками... Тех, кто искал спасения в канализации, выкуривали газовыми пашками...

«В один только день, – свидетельствует Штрумпф, – мы вскрыли 183 канализационных люка и бросили туда пашки. Евреи, думая, что это смертельный газ, пытались спастись наружу. Большое количество евреев, которое, к сожалению, точно не поддается учету, было истреблено также путем взрыва канализационной системы. Саперы показали себя при этом мужественными людьми и мастерами своего дела»...

Прошу обратить внимание суда на следующее признание... «Чем больше усиливалось сопротивление, тем более жестокими и беспощадными становились люди СС, полиции и вооруженных сил... Они выполняли свой долг в духе тесного сотрудничества и показывали при этом образцы высокого солдатского духа... Работали без устали с утра до поздней ночи. Солдаты и офицеры, полиция, в особенности те из них, кто побывал на фронте, также доблестно и прекрасно проявили при этом свой германский дух». Вот он – идеал гражданина нацистского государства. Вот образец того, как все те, кто сидит сегодня на скамье подсудимых, воспитывали «истинных германцев»...

Смирнов отложил книгу в сторону, прокашлялся и продолжил:

– Представляя суду доказательства по разделу «Преступления против мирного населения», хочу предъявить следующий предмет...

Он повернулся к столу, стоявшему рядом с трибуной. Стол был накрыт белой простыней. Обвинитель откинул простыню, и в зале наступила мертвая тишина.

На столе, под стеклянным колпаком, на изящной мраморной подставке стояла человеческая голова с темными, длинными, аккуратно зачесанными назад волосами. Но размером она была всего лишь с большой кулак...

– Такого рода чудовищные «сувениры» изготавливали нацистские изуверы в концентрационных лагерях, по специально разработанным там после чудовищных экспериментов технологиям. Начальник лагеря дарил «изделия» в качестве сувениров своим высокопоставленным посетителям.

На гостевом балконе истошно вскрикнула женщина. У молодого американского солдата в очках, стоявшего за подсудимыми, закатились глаза и подкосились ноги. Сослуживцы быстро вывели его из зала.

Все подсудимые сидели как каменные. Вдруг кто-то из них истерически то ли закашлял, то ли захохотал.

Постскриптум

«Когда смотришь на скамью подсудимых, невольно возникает сравнение с открытым вольером зоологического сада, куда из темных клеток выпускают на дневной свет диких зверей. Они теперь безопасны, можно без страха изучать их ужимки, но мороз проходит по коже, если подумать о возможной встрече с этими опасными хищниками, когда они были на свободе и, оскалив зубы, выходили на добычу».

Роман Кармен, газета «Известия», 28 ноября 1945 года

Глава XI. Я жил в другом мире

Ливший с утра мелкий бесконечный дождь, походивший на туман, прекратился, и выглянувшее солнце залило пустынный пригород Нюрнберга ослепительным светом.

Ребров остановил машину у скромного особняка, казавшегося под солнцем декорацией на театральной сцене.

– Вот и приехали, – повернулся он к Ирине, сидевшей рядом. – Кажется, здесь.

Они выбрались из машины и какое-то время просто стояли, пораженные тишиной, покоем и отсутствием страшных черных развалин, к которым так привыкли глаза в центре Нюрнберга.

– Как тихо и красиво, – вздохнула Ирина. – Как будто нет никакого трибунала, никаких нацистов, лагерей... Ничего.

Ребров подошел к калитке, позвонил. Через несколько томительных минут из дома вышел высокий, худой мужчина с длинными, седыми волосами в просторной вязаной кофте. Когда он, тяжело передвигая ноги, подошел к калитке, стало видно, что он уже совсем старик. Но горбоносое лицо с изрезанными морщинами щеками было значительно и по-своему красиво, словно на рисунке Дюрера.

– Чем обязан? – церемонно спросил он. В глазах его было знакомое беспокойство, с каким большинство немцев смотрело на своих победителей.

– Господин Гланц? – подчеркнуто вежливо осведомился Ребров.

– Совершенно точно.

– Мы – журналисты, аккредитованные на процессе.

– Американцы? – спросил Гланц, внимательно оглядев Реброва и задержав взгляд на Ирине.

– Нет. Мы из Франции.

– Вот как. Из Франции... А чем я могу быть вам интересен, господа?

– Господин Гланц, многие люди считают Адольфа Гитлера вашим учеником и последователем...

Гланц покачал головой. Было непонятно, соглашается он или протестует.

– Нам бы хотелось узнать ваше мнение о том, что произошло с немцами и Германией.

– Давно уже никого не интересовало мое мнение о немцах и Германии, – словно разговаривая сам с собой, пробормотал Гланц. – А зачем это вам?

– Нам кажется, сейчас очень важно разобраться во всем, что произошло с Германией и немцами. И возможно ли повторение?

– Ну, если вам угодно... Хотя, как вы понимаете, этот разговор не доставит мне удовольствия. Но вы – победители сегодня...

Старик открыл калитку и пригласил Реброва и Ирину в дом.

Он провел их в типичный кабинет книжного человека – массивный письменный стол у окна, прикрытого тяжелыми шторами, стены плотно увешаны старинными картинами и оружием. Гланц сел в кресло с высокой прямой спинкой, Ирина и Денис устроились на громоздком и неудобном диване.

– Простите, мне нечем вас угостить, – развел руками старик. – Итак, с чего начнем?

– Видимо, с вашего знакомства с Адольфом Гитлером, – предложил Ребров, раскрыв блокнот.

– Ну, конечно... Но он не был тогда тем Гитлером, которого сегодня знает весь мир. Он был совсем молод, придавлен бедностью, даже нищетой, но его очень интересовала история, вернее, мир древних германцев, их верований, законов...

– Простите, а почему он пришел именно к вам? – спросила Ирина.

Гланц посмотрел на нее с укоризненной улыбкой.

– Потому что это был мой мир. Я был один из тех, кто его увидел в своих мечтах. Увидел, а потом рассказал о нем другим немцам.

– А с чего началось ваше увлечение древними германцами? – решил уточнить Ребров.

– С неприятия того пошлого и грязного мира, который окружал меня. Еще в детские годы я страстно интересовался средневековым прошлым Европы и религиозными рыцарскими орденами. Это был прекрасный мир сказочных героев, совершенных и неотразимых в своем величии. Я с головой ушел в их историю, легенды, предания... Увлечение было настолько сильным, что я даже решил принять послушание в аббатстве недалеко от Вены, хотя семья была категорически против. Я стал братом Георгом. Белый камень церковных залов с готическими сводами, белые плиты надгробий, строгий романский стиль, белые сутаны братьев, уединенный монастырский сад, мозаика цветных стекол и могилы двенадцатого века герцогов Баден-бергов... Я словно вернулся в те времена, я почувствовал себя приобщенным к священной элите германской древности. Я стал писать о том, что чувствую и переживаю. Самая первая из моих опубликованных работ – размышления об изображении на могильном камне, извлеченном из-под монастырских плит. На камне был изображен воин, поражающий неизвестное мерзкое животное...

– Это весьма распространенный сюжет того времени, – пожал плечами Ребров. – Рыцарь, поражающий змея или дракона.

– Да, но я вдруг ясно увидел в этой сцене истину – аллегорическое изображение вечной борьбы между силами добра и зла, которой нет конца. К тому времени я уже был готов это увидеть. Меня особенно увлекла бестиальная интерпретация зла на этом древнем камне.

– То есть вы увидели зло как злобное животное, угрожающее миру? – тихо спросила Ирина.

– Вот именно. Есть страшный зверь, который живет во многих людях и является корнем всякого зла в мире.

Гланц сидел, откинувшись на спинку кресла, спина его была прямой, глаза полуприкрыты. Он явно увлекся своими воспоминаниями, которые давно уже были никому не интересны. Время от времени он открывал глаза и смотрел на Ирину. Было видно, что он обращался только к ней. И Ребров подумал, что любой мужчина в конце концов мечтает только о том, чтобы быть понятым прекрасной женщиной.

– Я был страстно увлечен своими мыслями. Начал заниматься зоологией. Изучал Священное писание, апокрифы, современную археологию и антропологию... И в какой-то момент мне вдруг стало ясно, что доброе и светлое начала в мире воплощены в арийской расе, а различные темные отклонения, злые начала воплощены в негроидах, монголоидах, семитских жителях Средиземноморья...

– Вряд ли эти откровения соответствовали христианскому вероучению, – возразила Ирина.

Гланц ничуть не смутился.

– Да, эти убеждения были, мягко говоря, неортодоксальными, и вызвали серьезные трения между братом Георгом и его наставниками в аббатстве. К тому же, я тогда полюбил женщину, полюбил страстной, плотской любовью. Меня призвали «отвергнуть соблазны мира и плотской любви», но мое стремление к свободе мыслить и чувствовать оказалось сильнее, и я покинул аббатство. Мир, в который я вернулся, оказался ужасен и убог одновременно, несмотря на технические достижения. Миллионы людей гибли в убийственной войне, развязанной ради чьих-то личных целей. Люди убивали друг друга, рвали на части, травили ядовитыми газами, и никто не знал зачем и ради чего. Дикость звероподобных людей означала конец культуры и конец того человека, который был прекрасен...

Я снова вернулся мыслями к рыцарским орденам, которые сражались против варваров. Они тогда оказались внутри страшного и безжалостного кольца из исламских сил Северной Африки, Среднего Востока, Балкан, аморфных монгольских орд. Их мир мог выстоять только сохраняя свою арийскую чистоту. Ведь тогдашнее христианство представляло из себя воинственный аристократический монастырь, из которого рыцари-монахи уходили прорывать окружение темных агрессивных сил.

– То есть Средние века представлялись вам золотым веком арийцев? – уточнила Ирина.

– Да, это был завораживающий мир. Мир отважных рыцарей, благочестивых монахов, великолепных замков, богатых монастырей, прекрасных, чистых и верных женщин... Он поддерживался расово-рыцарским культом религиозных и военных орденов. Старые княжеские династии Германии культивировали в своих замках и дворцах искусство и таланты, они были для них единственным историческим инструментом прогресса. И, напротив, всегда существовал мертвый груз низших каст, подвергавший развитие нации опасности своими вульгарными требованиями раздела власти. Эти касты низших человекоподобных тварей совершенно не понимали свою расовую, природную неспособность к делу управления. Они были способны только разлагать и опошлять.

– И все-таки они тоже были людьми, – заметил Ребров.

– Нет, они были лишь человекоподобными существами, способными только разрушать. Так что ариогерманцы обладали абсолютной правотой, когда распространяли свою власть по всему миру. Германия уже не могла себе позволить лишиться «золотого руна мира», поскольку вся планета была ее естественной колонией...

– В наше время в соответствии с принципом расовой чистоты это право означало ферму для каждого смелого германского солдата и поместье для каждого офицера в Крыму? – подвел итог грезам Гланца Ребров. – А рабы из низших рас должны были работать на ариогерманцев?

Гланц прикрыл засиявшие было молодым блеском глаза.

– Конкретные формы меня не волновали.

– Ну да, ими занялись Гитлер и войнство СС!

– Но где же тут христианство? Христианские добродетели? – горячо вмешалась взволнованная Ирина. – Вы же христианин!

– Вы говорите об их нынешнем понимании, а религия того времени не была столь безвкусно человеческой и вялой, – потер висок пальцами Гланц. – Это был крайне аристократичный культ истинных арийцев, осознающий свою силу и свой долг. Строгая, военизированная экономическая и политическая организация, рассчитанная на героических людей. Религия тогда безжалостно искореняла человеческие подвиды, несущие страшные звериные начала... Или же гуманно содержала их в еврейских гетто, чтобы они не заражали прекрасный мир! Это был величественный и прекрасный расцвет героической религии, искусства и культуры, носителями которого были истинные арийцы...

– Это вы так считаете, – не выдержал Ребров. – К тому же, ваш мифический мир проиграл свою битву.

– Увы... Уничтожение тамплиеров в 1308 году стало сигналом конца этой эпохи и началом торжества низших расовых сил. С этого момента расовые, культурные и политические достижения Европы стали медленно угасать. То, что приходило на смену, было ужасно. Рост городов, собиравших все нечистоты мира, распространение бездуховного торгашеского капитализма, возникновение рабочего класса, ни к чему не привязанного, скомпрометировали аристократические принципы и идеи расовой чистоты.

– Они просто оказались несовместимы ни с новой жизнью, ни с идеями христианства.

– Христианство, – поморщился Гланц. – Из суровой самоотверженной веры оно превратилось в сентиментальную альтруистическую басню, утверждавшую, что все люди равны, что нужно любить своего соседа, независимо от того, какой он расы и какие начала в нем заложены.

жены... Европа стала жертвой длительного процесса разложения, закончившегося торжеством темных народных масс и демагогов, которые ублажали их слух болтовней о равенстве и братстве. Но отважный воин, поражающий зверя, не может быть ему равен! Тем более, он не может быть ему братом.

– То есть для вас мир разделяется на светлую сторону голубоглазых и светловолосых арийцев и темные владения неарийских демонов? За одними добро, спасение, порядок, а другие способны только на зло, хаос и разрушение? Я правильно формулирую ваши идеи? – поинтересовался Ребров.

Гланц вздохнул.

– Примерно, молодой человек, весьма приблизительно. Они были не столь грубы, в них было много чувства – чувства прекрасного, даже невыразимо прекрасного...

– И тем не менее. Арийцы представлялись вам источником и инструментом всякого блага, аристократизма, творческих достижений, тогда как неарийцы механически связывались с порчей, разложением, с разрушительными стремлениями. А в чем конкретно должно было выразиться это противостояние? В каких действиях?

– Тогда мной владела мысль о необходимости современного крестового похода против политической эмансипации народных масс, против парламентской демократии и социалистических революций, построенных на идее всеобщего равенства.

– То есть мир сверхлюдей, чистокровных арийцев, столь непохожий на то, что вы видели вокруг, должен был всеми возможными способами противостоять неарийцам? Отсюда следовала необходимость установления ариогерманской империи, не имеющей никаких моральных обязательств перед остальным миром...

– В вашем изложении эти идеи выглядят очень грубо и жестко, – задумчиво сказал старик. – Для меня же тогда это были, скорее, мечтания, если хотите, сны об утраченном прошлом... У меня не было никаких идей и надежд по поводу претворения их в жизнь. Так человек, оскорбленный в своих лучших чувствах грязной и уродливой реальностью, уходит в грезы. В грезы, где все понятно определено. Это была мечта о совершенном человеке, к которому надо стремиться.

– И поэтому нужно обеспечить расовое превосходство арийцев, – настойчиво уточнил Ребров. – Для чего нужны законы о запрещении межрасовых браков, размножение чистокровных германцев путем полигамии и создание материнских домов, где незамужние германские женщины хороших кровей смогут зачинать детей от чистокровных героев...

– Еще раз говорю вам, что это все были лишь мечтания кабинетного ученого и фантазера, каковым я был тогда. Был и остаюсь до сих пор.

– Но идея домов материнства Lebensborn для молодцов из войск СС разве не оттуда?

– Вероятно, – не стал спорить Гланц. – Вероятно, когда Гитлер и Гиммлер придумывали их, они опирались на какие-то мои мысли, но ведь я не имел никакого понятия об СС, гестапо, концлагерях!.. Кстати, если вы так хорошо осведомлены о моих взглядах, вы должны знать, что, когда Гитлер пришел к власти, издание моих трудов было запрещено! Научные кружки, которые я вел, были распущены по приказу гестапо, журналы закрыты.

– Видимо, Гитлер уже почувствовавший себя тогда сверхчеловеком, не хотел, чтобы кто-то знал, что за его взглядами не воля богов, а мечтания кабинетного ученого, над которыми многие смеялись.

– Наверное, – пожал плечами Гланц. – Но не старайтесь меня обидеть. Вам не понять, что двигало мной тогда... Что терзало мою душу, какие страхи за страну раздирали ум! Германия была унижена и оскорблена поражениями, хаосом, нищетой, высокомерным издевательством Запада... На Гитлера, конечно, повлияли мои описания древнего золотого века, эти идеи были широко распространены тогда, но это лично он превратил абстрактные чувства и меланхолическую ностальгию в радикальное движение, которое привело к национальной революции и

государственному перевороту. Я о таком не мог и думать! Я мечтал услышать прекрасный хор героев и совершенных людей, а услышал чудовищный рев взбесившихся мясников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.